

Екатерина Бордон
Красавчик
На замену

ма
ра
ку
йя

Маракуйя/Любовь

Екатерина Бордон
Красавчик на замену

Издательство «Детская литература»

2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бордон Е.

Красавчик на замену / Е. Бордон — Издательство «Детская литература», 2026 — (Маракуйя/Любовь)

ISBN 978-5-08-007659-6

Рисование было Машиной отдушиной, пока в художественной школе она не оказалась в одной группе с Алиной Морозовой. И все сломалось! В художке – потому что Алина лучше абсолютно во всем, а в семье – из-за того, что брат Маши влюбился в сестру Алины, а та безжалостно разбила ему сердце. Теперь жизнь Маши – сплошная вендетта. Она мечтает обойти Алину и попасть на главную выставку года! Но как, если новый преподаватель ее невзлюбил? И что делать с глупым сердцем, которое рядом с ним спотыкается и бьется иначе?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-007659-6

© Бордон Е., 2026
© Издательство «Детская литература», 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Екатерина Бордон

Красавчик на замену

© Е. Бордон, текст, 2026

© Оформление серии. АО «Издательство «Детская литература», 2026

Глава 1

Если бы я рисовала Морозову, нарочно оставила бы ей только один глаз.

И тот кривой, чтобы она, увидев свой портрет, вопила от отсутствия симметрии. Она же вся из себя перфекционистка! Вечно каждую пылинку-волосинку вырисовывает, даже если ее не видно будет. И сидит всегда с прямой спиной...

Дура.

Раздраженно дергаю плечом и промываю кисточку в баночке с грязной водой, громко бряцая о стеклянные края. На самом деле свой натюрморт я закончила еще пятнадцать минут назад, но складывать оружие – в смысле кисти – раньше Морозовой не собираюсь. Ни за что! И потом, как любила повторять бабушка, добавляя в кастрюлю с борщом чайную ложку сахара: «Всегда можно что-нибудь улучшить».

Хм-хм...

Чуть привстав, заглядываю Морозовой за плечо. Из-за плохого зрения она единственная сидит в первом ряду, почти вплотную к натуре. Вот и сейчас: склонилась к мольберту и рисует едва заметные блики-штрихи на золотистой луковой шелухе. Я бы этого делать не стала, конечно, но ок, допустим.

Макаю самый кончик кисточки в белый. Затем добавляю чуточку синего, еще капельку охры... Делаю неуверенный мазок и тут же понимаю – зря. Вот зачем, скажите на милость, моей луковице этот синюшный блик? У нее что, трупное окоченение началось?

И все, блин, из-за Морозовой!

Мимо, громко шаркая, проходит Леонидовна, наш бессменный учитель по живописи и композиции. Голубой твидовый пиджак свободно болтается на ее плечах, а белые от седины волосы трогательным облачком клубятся вокруг головы. Не знаю, сколько ей лет. Где-то от семидесяти до бесконечности? Но рука по-прежнему твердая, а наряды хоть и старомодные, но такие элегантные, будто Леонидовну и Елизавету II одевает один и тот же стилист. Как бы еще поточнее выразиться... Вот вроде старье старьем, но при взгляде на нее в голову всегда приходит слово «винтаж», а не «секонд-хенд». И пахнет от Леонидовны не древностью, а какими-то духами с нежным ванильным шлейфом, как у старинной пудреницы с пуховкой.

– Алиночка, давай вот тут тени поглубже сделаем? – заговорщически шепчет она.

– Я в конце фиолетового добавлю, – также тихо отвечает Морозова, и я титаническим усилием воли подавляю желание закатить глаза. Ну прямо не голосок, а музыка. Словно ангел пукнул в небесных чертогах!

Леонидовна едва не пускает слезу:

– Изумительно блики выписала.

– Спасибо!

Ой, всё.

Сил моих больше нет! Морозова так улыбается, будто ее впервые в жизни похвалили. Будто не она тут у нас восходящая звезда, новый Шишкин, надежда России и вот это вот всё! А мы что? Мы простые смертные, которых мама в детстве запихнула в художку, потому что она бесплатная и находится в двух шагах от ее работы.

– Изумительно блики выписала, – передразнивает Кравцова, глупо кривляясь и обдавая мое ухо горячим дыханием. Я демонстративно отодвигаюсь, но когда ее это останавливало? – Что? – ядовито фыркает она, шуря маленькие глазенки в окружении рыжих ресниц. – Можно подумать, тебя Морозова не бесит!

Я решаю с достоинством промолчать, но... бесит. Бесит, конечно. Всё в ней! Прямые черные волосы, которые, наверное, никогда не секутся. Богатенькие родители, которые посылают за ней водителя на «БМВ», хотя до их дома – десять минут пешком через парк Победы. И

все эти ее нелепые ободочки, туфельки, платица до колен... Честное слово, мы же не в кино про британскую частную школу для благородных девиц!

Но больше всего бесит то, что она и правда классно рисует.

Вроде у нас с ней одинаковые кисти, одинаковые краски, одинаковая натура на тумбе возле стены... И все равно я не могу рисовать, как она. Ее картины дышат. Воздух так и распирает их изнутри, словно каждый мазок сделал глубокий вдох и задержал дыхание! А у меня вместо синей стеклянной вазы какая-то крышка от унитаза. А вместо нарциссов – вялые желтые тряпки. Про луковицу вообще молчу... Слава богу, она никогда не увидит, как я ее нарисовала.

– Скажешь нет? – не унимается Кравцова, ногой подталкивая мольберт ближе к стене, чтобы солнце не слепило глаза.

Я вместо ответа сверлю тяжелым взглядом свой натюрморт. Потом тру шею над горловиной любимого черного свитшота и мысленно посылаю лучи поноса тому, кто додумался сделать в нашем кабинете панорамные окна. Нет, цель у него наверняка была благородная – дать художникам побольше естественного света. Но в солнечные дни вроде этого мы с девчонками чувствуем себя перезрелыми помидоринами в крошечном парнике! Сидим все красные от жары и потеем, потеем, потеем... Ну, кроме Морозовой, естественно. Она-то, ясное дело, не потеет. И прыщами не покрывается. И уж точно не пачкает рукава красками, потому что, в отличие от некоторых, не забывает свои нарукавники!

Леонидовна ласково треплет Морозову по волосам. Кравцову от этого зрелища аж перекашивает, но я, покачав головой, оставляю свои комментарии при себе. Вот еще тратить на нее нервы и кислород. Я, конечно, и сама не подарок, но от Кравцовой даже у меня мурашки: вечно она в лицо говорит одно, а за спиной другое. Прямо не человек, а ходячая реклама биполярки...

– Машенька, а у тебя тут что?

Шагнув назад, Леонидовна останавливается рядом с моим мольбертом, и я вся костенею. Нет, не от страха, естественно, потому что Леонидовна никогда никого не ругает. Она же одуван. Королева одуванов! Но мне и так всегда понятно, нравится ей работа или нет. Потому что, когда нравится, Леонидовна всегда хвалит за что-то конкретное («Изумительно блики выписала»). А если нет, говорит только общие слова. Вот как сейчас:

– Ты определенно с начала года выросла как художница, Машенька. Но еще есть над чем поработать.

– Ага. Спасибо, Елена Леонидовна, – говорю я с деланным безразличием, а Морозова, обернувшись, робко улыбается и подмигивает. Тц! Наверное, специально прикрывает один глаз, чтобы мне в другой было удобнее целиться...

На часах без двух минут три. Я бросаю на подставку мольберта кисточку, которую стиснула так, что едва не сломала, и сердито дергаю молнию на рюкзаке. Опять, блин, заедает! Девчонки вскакивают с табуретов и несут баночки с грязной водой в подсобку, Кравцова немедленно утыкается в свой телефон, а Леонидовна останавливается у стола и принимается рассеянно тереть брешь на воротнике пиджака. Пальцы у нее некрасивые – все в старческих пятнах и каких-то узлах, – но перстни на них во-о-от такие огромные. Не перстни, а перчатка Таноса какая-то! До сих пор понять не могу, зачем ей наша убогая художка, если деньги есть на такие колечки...

Молния наконец поддается, и я с раздражением запихиваю в рюкзак коробку с акварелью. Терпеть не могу акварель.

– Дорогие мои, кха-кха, минуточку внимания, – неуверенно зовет Леонидовна. Голос у нее дребезжит, будто кто-то поднял для тоста старинный фужер и постучал по нему чайной ложечкой. – У меня для вас новости. Не очень, наверное, хорошие.

Мы настороженно замираем. По городу давно гуляют слухи о том, что наш ДК хотят закрыть на ремонт (а то и вовсе прикрыть из-за нехватки финансирования), но не станут же они этого делать в середине учебного года?

Леонидовна нервно дергает себя за мочку уха.

– Вы, конечно, и сами знаете, что вы мне как родные. Но в этом году... – Она набирает в грудь побольше воздуха и выпаливает остаток фразы на одном дыхании: – В этом году придется вам к новогодней выставке готовиться без меня.

Э-э-э, в смысле?

По кабинету проносится рябь недоверчивых вздохов. Еще бы, ведь новогодняя выставка без Леонидовны – это как Новый год без Деда Мороза. В конце концов, именно она ее придумала. Она нашла первых спонсоров, и она же всегда занималась организацией, еще с тех доисторических времен, когда наш ДК назывался «Красный октябрь» и стоял на пустыре возле поля с подсолнухами! Это сейчас там новенький торговый центр и высотки, а раньше был какой-то колхоз с доярками и баянистом. Леонидовна сама нам об этом рассказывала во время одного из своих приступов ностальгии.

– Понимаете... Я говорила сыну, я убеждала его, что операция на глаза подождет, – чуть не плачет Леонидовна, – но он по каким-то своим каналам договорился с Микрохирургией Федорова в Москве, и ждать нельзя никак. Либо сейчас, либо неизвестно когда, а это хороший шанс, и я... я...

Ее голос затихает, и наступает такая тишина, что слышно, как в крошечной подсобке капает из вечно текущего крана вода. Мы растерянно переглядываемся. Даже Кравцова выныривает из телефона и тревожно дергает острым носом, который вечно сует в чужие дела. Оно и понятно: в нашем городе новогодняя выставка и концерт перед ней – главное культурное событие года. И я не шучу! Все детские коллективы и все кружки начинают готовиться к ней едва ли не летом, чтобы в последнее воскресенье декабря попасть в городскую консерваторию... Музыканты и исполнители выступают в зале на отчетном концерте, а холл на три недели превращается в арт-галерею, куда попадают работы лучших художников и керамистов со всего города. Отбор очень строгий: от каждой группы по одному человеку, а то и вовсе никого!

И в этом году именно я буду на выставке. Обязана быть!

Тема выставки каждый раз новая: в прошлом было «Рождественское чудо», а в позапрошлом – «Зимние узоры». Новую тему должны объявить буквально со дня на день, а тут такая «бомба» от Леонидовны... Это же она всегда готовила нас к выставке и помогала правильно оформить заявки в отборочную комиссию! А теперь...

Сердце сжимается от дурного предчувствия.

– Новогоднюю выставку что, отменяют? – напряженно спрашиваю я.

Кравцова громко ахает. Девчонки начинают взволнованно шушукаться, а Леонидовна испуганно взмахивает руками.

– Что вы, что вы, не отменяют, конечно! Я оставлю все распоряжения. Если надо, из больницы за всем прослежу! – На ее морщинистом лице появляется жалобная улыбка. – И одних я вас тоже не оставлю, даже не думайте. На ближайšie полтора месяца по моей просьбе к вам из самого Петербурга приедет замечательный педагог Иван Ибрагимович. Лучший мой ученик, прекрасный художник! А я... я... Вы уж простите меня, девочки мои.

Леонидовна прижимает дрожащую руку к шее, и Морозова первая слетает с табуретки перед мольбертом, чтобы расплющиться о старенькую учительницу в трогательном объятии. Следом и другие девчонки подбегают гурьбой, ну прямо как в последний день в летнем лагере!

– Вы, главное, возвращайтесь к нам, Елена Леонидовна, – приглушенно всхлипывает Морозова, и на этот раз перекашивает уже не Кравцову, а меня. Ненавижу таких вот сахарных девочек-припевочек...

А девочек с фамилией Морозова тем более!

Помедлив, я тоже подхожу и обнимаю Леонидовну со спины. Я же не совсем уж сухарь! Вместе со всеми причитаю и говорю стандартные фразочки вроде «поправляйтесь скорее», «без вас все будет не так», «выздоровливайте ради нас» и так далее, и так далее, и так далее... Но глубоко внутри, в самом сердце, чувствую, как прорастает сквозь корку воспитания мерзкая колючка.

Я и правда хочу, чтобы Леонидовна поскорее поправилась. И в то же время чуточку радуюсь в глубине души, что ее с нами не будет... Это же мой последний год в художке. Последний шанс попасть на выставку вместо Морозовой, которую пять лет подряд выбирают представителем от нашей группы.

Пять лет!

Может, хоть этот неизвестный Иван Ибрагимович разглядит и поддержит мой талант?..

Мне становится стыдно. Знаю, о собственной выгоде в такие моменты думают только законченные эгоисты, но в этом году я никак не могу проиграть Морозовой.

Не могу.

Не могу.

Не могу!

И я, черт возьми, не проиграю.

Глава 2

Я вваливаюсь в квартиру, отплеываясь от ворсинок шарфа, когда за окном уже совсем темно. Не-на-ви-жу зиму! Особенно в нашем дурацком городе, потому что автобус иногда приходится ждать по двадцать, а то и по тридцать минут. Быстрее на своих двоих добежать... Но я время от времени все равно поддаюсь призрачной надежде на то, что общественный транспорт начнет ходить по расписанию, и плачú за это обветренными щеками и заледеневшими конечностями. Спасибо ветру с водохранилища! Сегодня, пока ждала, успела вся посинеть и вдобавок мысленно составить завещание.

Дважды!

Еще и в пункт выдачи за новыми лаками для ногтей забежать пришлось...

– Я дома, – гнусавлю я, вытряхиваясь из пуховика. – Капельницу с чаем мне. Срочно!

Со стороны кухни доносится раскатистый бас:

– Будет сделано, ваше величество.

Подвывая от радости, в коридор вылетают Бэнкси и Дурачок, мои любимые таксы. Я сажусь на корточки, и Бэнк-си тут же прыгает в мои объятия, а Дурачок, нелепо скользя лапами по ламинату, промахивается и врезается шоколадно-коричневым боком в стену. Ха, этот в своем репертуаре!

Бэнкси у нас породистый мальчик. Настоящий аристократ с благородной родословной на несколько страниц, чипом и ветеринарным паспортом. А Дурачка мы выбрали на трассе несколько лет назад, когда всей семьей ездили в Питер на выходные. Не знаю, как Антон тогда заметил его в кустах.

– Тормози! – заорал он, прилипнув носом к стеклу, и отчим от испуга с такой силой ударил по тормозам, что мама выплеснула на себя половину латте из картонного стаканчика.

Антон выскочил из машины и побежал вдоль дороги назад, а мы поспешили следом. Дурачок лежал на обочине, весь в крови и репейнике, и тихонько поскуливал. Скорее всего, его сбила машина, а виновники то ли не заметили, то ли бросили его умирать. Хотелось бы, конечно, поверить в первый вариант, но... Люди такие люди.

Антон тогда без колебаний завернул Дурачка в свою любимую толстовку с Соником и следующие два дня носился по ветеринаркам, вместо того чтобы прогуливаться по Эрмитажу и фоткаться на фоне фонтанов Петергофа. Хотя до этого почти год уговаривал родителей на поездку!

Собственно, это главное, что нужно знать о моем сводном брате.

Отчим, ясное дело, был категорически против второй таксы в доме. Особенно когда выяснилось, что у Дурачка врожденная деформация челюсти и проблемы с вестибулярным аппаратом, из-за которых он ест только мягкую пищу и частенько теряет равновесие. Вдобавок к этому Дурачок не может держать язык за зубами и постоянно вываливает его набок. Вид у него при этом адски глупый и смешной! Отсюда и кличка. Но мы любя зовем его Дурачком, честное слово.

– Нет! Никогда эта собака не будет жить с нами, – бушевал отчим. – Ни за что, я все сказал!

Пф-ф-ф, можно подумать, у него был хотя бы один шанс против «щенячьих глазок», которые сделали мы с Антоном. А уж когда моя мама прижалась щекой к его плечу...

Короче, теперь у нас две таксы. Хех.

Дурачок, совладав наконец с гравитацией, со счастливым тьяканьем забирается ко мне на руки, а отчим выглядывает в коридор с чашкой чая размером с небольшую кастрюльку. Моя мама занимается настройкой сложного хирургического оборудования и часто гоняет по командировкам, так что мы привыкли оставаться втроем: я, отчим и Антон.

– Твой чай, Машунь, – добродушно улыбается он. – И если что, мы уже погуляли, помыли лапы и покушали.

– Ага, спасибо, Макс.

Я прячу улыбку за бархатной собачьей макушкой. Нет, ну вы только посмотрите на этого здоровяка: говорит про Бэнкси и Дурачка, будто молодая мамочка про своих младенцев! А учитывая мощную фигуру Макса, выглядит это убийственно мило.

Когда мы познакомились, я думала, что Макс – brutальный качок, который зубами рвет куриные грудки и не сводит восторженного взгляда со своего отражения в зеркале спортзала. Но он оказался невероятным добряком! Из тех, кто ужасно стесняется своей чувствительности и говорит всем, что его любимый фильм – «Безумный Макс», хотя на самом деле это «Бурлеск» с Кристиной Агилерой. Он все песни оттуда знает наизусть!

– Как порисовала? – любопытствует Макс.

– Карандашами и красками.

Отчим хватается за грудь, будто мой сарказм поразил его в самое сердце, и, поставив чашку на пол передо мной, возвращается на кухню.

С тех пор как его уволили из-за случая-который-нельзя-называть, прошло почти четыре месяца, но он так и не нашел работу. Не удивлюсь, если это Морозов-старший постарался...

При мысли о Морозовых настроение снова портится.

– Ну все, хватит меня уже облизывать, – ворчу я, сгружая Бэнкси и Дурачка на пол. – Я из-за вас вся теперь в шерсти. Фу!

Две минуты уходит на то, чтобы помыть руки, еще двадцать – чтобы позвонить маме в Тюмень и выпить чая, а после я опускаюсь на колени и вытаскиваю из-под кровати серебристый сундучок. Деловито натягиваю одноразовые перчатки, марширую в другой конец квартиры и пинком распахиваю дверь в комнату сводного брата.

Гос-с-споди, ну и запах!

– Антон, ты воняешь, – говорю я, локтем включая свет. Аромат в комнате стоит воистину удушающий... Интересно, когда он в последний раз тут проветривал?

– И тебе привет, – хрипло хмыкает брат, щурясь от яркого света.

Опять он сидит за компом... Весь взъерошенный и мятый, словно только что встал с постели. Хотя о чем это я? Могу поспорить, он и не ложился.

– Знаешь что... – Я бесцеремонно плюхаюсь на его кровать, отодвинув в сторону одеяло. – Если ты и дальше будешь тут сидеть, зарастешь паутиной.

Пальцы Антона щелкают по клавишам мышки с какой-то невероятной скоростью. Первой сверхзвуковой?

На экране бестолково мельтешат разноцветные чудики, вспыхивают игрушечные взрывы, и кто-то постоянно раздражающе громко вопит.

– Так и задумано, систер. Я же Человек-паук.

От кривоватой ухмылки на его лице хочется плакать. Клянусь, если бы старшая сестра Алины Морозовой сейчас оказалась здесь, я бы без всякого сожаления вырвала ей все волосы.

И ногти.

И сердце.

– Ну, какие планы на сегодня? – преувеличенно бодро спрашивает Антон.

– Сюрприз, – бурчу я. Отодвигаю его кресло на колесиках от стола, хватаю за ногу и бесцеремонно стягиваю с нее носок.

– Блин, Машка! – воеет Антон, когда его персонаж из-за моих манипуляций не успевает скастовать заклинание и попадает под перекрестный обстрел.

– Не дергайся.

Я с щелчком открываю свой сундучок. Убираю в сторону лампу для сушки гель-лака и с наслаждением пробегаю пальцами по разноцветным пузырькам с лаками для ногтей. Моя

прелесть... Выбрав наконец оттенок, я принимаюсь за работу и параллельно рассказываю, как прошел мой день.

Антон по-прежнему смотрит только в экран, но слушает меня очень внимательно. Хмурится, когда я упоминаю о том, что тренер по баскетболу опять назначил атакующим защитником Гузель, хотя всем в команде известно, что это я у нас снайпер. Гнусно хихикает над тем, как биологичка едва не поймала меня на списывании. Задумчиво прикусывает щеку изнутри, когда я признаюсь, что до сих пор не знаю, куда хочу поступать и хочу ли вообще.

– А как же художественный? Тебе ведь нравится рисовать.

Ну, определенно нравилось... Раньше.

Я пожимаю плечами, и мы замолкаем. Занимаемся каждый своим делом в тишине: Антон крушит виртуальных врагов в капусту, а я крашу ногти у него на ногах и пытаюсь не думать о том, что будет дальше. И с ним, и со всей нашей семьей после того, как Морозовы проехали по ней катком и оставили сплошные руины. Антон больше не выходит из комнаты. Отчим потерял работу. А мама изводит себя из-за чувства вины, ведь это с нее все началось.

Точнее, с ее маниакальной одержимости Светланой Игоревной Морозовой.

Мама наткнулась на аккаунт Морозовой-старшей в соцсетях, когда мне было девять. Они с Максом тогда еще не были женаты, но мы уже жили вместе в этой квартире: я, моя мама, отчим и новоиспеченный сводный брат. Удивительно, но мы с Антоном сразу поладили, однако мама была твердо убеждена, что так не бывает. Что все не может быть так просто! А как же истерики, драки, девять кругов адаптации и вот это вот всё?

Она проштудировала тонны книжек про отношения сводных братьев и сестер. А после, к несчастью, наткнулась на блог Светланы Игоревны Морозовой, психолога и местной светской львицы. У нее были две дочери как раз нашего возраста: старшая Алена играла на скрипке и готовилась поступать в медицинский колледж, а младшая Алина уделяла все свободное время рисованию. Короче, образцовые умницы-красавицы!

Естественно, мама не смогла пройти мимо. Сначала прочитала все (все-все-все!) посты в блоге Морозовой-старшей. Затем купила ее платные вебинары. А затем и вовсе пошла на какой-то дорогуший курс, из-за которого мы каждый вечер должны были братья за руки и говорить о своих чувствах. Бр-р-р! В общем, мама чуточку помешалась на ней. Даже стрижку сделала, как у Светланы Игоревны, хотя я искренне не понимаю, как можно доверять женщине, которая добровольно назвала детей Алена и Алина. Это же почти одинаковые имена!

Апофеозом маминой одержимости стала светлая идея устроить меня в ту же художку, куда начала ходить Алина. Наш ДК как раз стоит в двух шагах от маминой работы. Я немного поупрямилась (чисто из принципа), но на самом деле была только рада: мне нравилось рисовать и заскакивать к маме в офис перед занятиями. Да и Алина со Светланой Игоревной мне сначала понравились. Такие утонченные, в одинаковых белых свитерах, с безупречными манерами... На их фоне мама, которая с обожанием смотрела на Морозову-старшую, выглядела какой-то грубой карикатурой.

– Ты чего так странно себя ведешь? – с недоумением смеялась она, пока я, сгорая от стыда, тянула ее к дверям художки. – Мне нужно у Светы спросить совета, идите поиграйте с Алиной пока.

Поиграйте... Нам тогда было по девять, а не по пять!

Не знаю, сколько еще продолжалось бы это мучение, если бы в конце первого года обучения я не услышала на стоянке телефонный разговор Светланы Игоревны.

– Представляешь, эта Головачева... Ну, мамаша той хмурой девчонки. Ага, с жидкими волосами. – Рассмеявшись, она уселась на переднее сиденье машины и постучала пятками, чтобы сбить весеннюю грязь с ботильонов. – Сегодня пришла в таких же джинсах, какие я в позапрошлом году носила! Смех да и только. – Она замолчала, выслушивая собеседника, а

затем раздосадованно вздохнула. – Да не жалею я. Мне просто смешно, мать. Пусть носит на здоровье, раз своего вкуса нет! Как говорится, подражание – самая искренняя форма лести.

Она захлопнула дверцу и рванула со стоянки, обдав мои кеды грязными брызгами, но я даже не пошевелилась. Так и стояла с открытым ртом, вспоминая бледное лицо Алины, которое мелькнуло в заднем стекле.

На следующий день я сделала две вещи: во-первых, рассказала обо всем маме. А во-вторых, твердо решила во что бы то ни стало уничтожить Алину Морозову.

– Ч-ч-черт, проиграли, – с досадой шипит Антон, откидываясь на спинку стула и растирая большими пальцами веки. – Обидно, блин!

– Другую ногу давай.

Согласна: сочувствие – не моя сильная сторона.

Антон покорно укладывает мне на колени свою вторую конечность. Он так и сидит с закрытыми глазами, поэтому мне ничто не мешает украдкой его рассматривать. Похудел, осунулся, зарос... И все равно остается красавчиком! Прекрасно понимаю, почему Алена Морозова, старшая Алинина сестра, на него запала, хотя он почти на полтора года младше. Они как-то разговорились, пока ждали нас с Алиной возле художки, и с тех пор, кажется, совсем не затыкались. Трепались в чатах, по телефону, потом на свиданиях и семейных ужинах...

Мне из-за этой сиропной парочки кусок в горло не лез!

Сначала Алена и Антон были почти как Ромео и Джульетта. Монтеки-Морозовы и Капулетти-Головачевы терпеть друг друга не могли! Но Алена как-то очень быстро стала «своей» в нашей семье. Хохотала, когда мы с Антоном до кровавых соплей спорили за игру в «Монополию», собирала со мной и мамой крыжовник на даче, оставалась у нас с ночевкой и каждый раз смотрела на моего брата такими глазами... Мы были уверены, что это любовь до гроба!

А оказалось, только до того момента, как Антон уехал учиться в Питер.

Он поступил в СПбГУ, как и мечтал, но не захотел уезжать от любимой девушки. Родители месяцами его умаливали, ругали, даже отдельную квартиру обещали снять. Но в итоге именно Алене удалось убедить Антона не забирать документы. «В конце концов, отношения на расстоянии – это романтично», – сказала она.

Ага, как же...

Антон целый год делал вид, что у них все прекрасно. Идеально справлялся с ролью! А потом прямо в разгар весенней сессии внезапно вернулся домой весь серый, безнадежно вымотанный и выжженный до самой своей сердцевины.

Выяснилось, что сложности начались почти сразу после его отъезда. Точно не знаю, в чем именно была проблема, но, кажется, они только и делали, что ссорились и трепали друг другу нервы, а на майских праздниках Алена и вовсе нашла себе другого. Какого-то прилизанного блондина, который на всех фотографиях позировал с теннисной ракеткой и показывал большой палец вверх. Придурок... Пока они с Аленой и ее родителями отдыхали на Мальдивах и выкладывали в соцсетях отфотошопленные глянцевики, мой брат проваливал экзамен за экзаменом и в итоге был вынужден взять академ, чтобы не вылететь из универа окончательно. Он приехал домой и заперся в своей комнате, отказываясь выходить из квартиры, чтобы случайно не встретиться с Аленой на улице. Она ведь даже не потрудилась лично ему сообщить про нового парня...

И как, скажите на милость, можно поддержать человека, которому сердце не просто разбили, а перемололи в крошево?

Вот и мы не знали... Но решили пока никому не сообщать, что Антон вернулся в город. Думали, через какое-то время он придет в себя, но дни шли за днями, а Антон по-прежнему лежал, молча уткнувшись носом в стену и зажав ладони между коленями. Не принимал ни еду, ни наше беспокойство, ни нашу любовь. Отчим ходил мрачнее тучи, мама опять принялась штудировать статьи по психологии, а я спустила все накопленные деньги на новые инстру-

менты для маникюра. Вломилась к нему в комнату и безапелляционно заявила, что хочу брать клиентов за деньги, а для этого нужно больше тренироваться.

– Серьезно? Решила стать маникюршей? – прошелестел Антон, едва заметно приподняв бровь.

– Не маникюршей, а нейл-дизайнером или, на крайний случай, мастером ногтевого сервиса. Руку давай.

Так Антон стал моей моделью на «ноготочки». Я и до этого обожала маникюр, просто делала его только маме, себе или Бэнкси с Дурачком, если удавалось подкрасться к ним, пока те спали. А теперь вот решила использовать свое секретное хобби как дурацкий предлог, чтобы проводить с братом больше времени и хотя бы немного его тормошить.

За работой я не замолкала ни на минуту. Жаловалась на тренера и баскетбол, травила дурацкие шутки, рассказывала грязные (чаще всего выдуманные) сплетни про одноклассников и учителей... Делала все, чтобы вывести Антона хоть на какие-то эмоции!

Брат не протестовал, но и не реагировал особо, так что я почти потеряла надежду. Однако пару месяцев назад на мой традиционный финальный вопрос: «Ну как тебе?», Антон взглянул на ногти и трескучим голосом прошептал: «Чудовищно», а потом приподнялся на кровати и крепко меня обнял.

Обнял!

Надо сказать, я в тот вечер и правда переборщила со стразами. И пожалуй, еще со слезами.

Понемногу он стал выходить из комнаты: делать вылазки то за едой, то посмотреть телевизор... Даже согласился на онлайн-психолога, а тот посоветовал ему переключиться на любое занятие, которое отвлечет его от мыслей о предательстве Алены. Антон выбрал онлайн-игры и увяз в них по самую макушку, но мы все равно с осторожным оптимизмом решили, что это хороший знак. Всяко лучше, чем молча лежать лицом к стене.

Сложнее всего смириться с происходящим было Макс. Он постоянно пытался вывести Антона на откровенный разговор, но брат каждый раз замыкался и замолкал на несколько дней, так что все кончилось тем, что отчим, взвинченный донельзя, отправился выяснять отношения к Морозову-старшему. Не знаю, что он сделал или сказал. Вроде попытался воззвать к совести его дочери, используя не самые приличные слова, но закончилось все мордобоем, заявлением в полицию от Морозова-старшего и увольнением Макса из банка...

– Гос-с-споди, чего так долго? – морщится Антон, ерзая на скрипучем кресле.

– Закончила, – триумфально улыбаюсь я, стягивая перчатки. – Ну и как тебе?

Антон разлепляет веки и тут же со стоном закрывает глаза.

– За что, Маша? За что-о-о-о?

– За все хорошее, – отвечаю невозмутимо, а мысленно корчусь от смеха. Оттенок «Невинная роза» определенно Антону к лицу! Точнее, к ногам.

Я дезинфицирую и собираю инструменты. Затем открываю форточку, чтобы немного проветрить в комнате, и наконец нерешительно останавливаюсь в дверях. Интересно, Антон сегодня ел? Судя по тарелке с нетронутым омлетом на краю стола, заваленного хламом, у него опять пропал аппетит.

– Эй, вонючка... – Я неловко переступаю с ноги на ногу и ногтем поддеваю ранку на большом пальце – порезалась, пока помогала маме готовить ужин. – Сделать тебе бутер? Или два? Если хорошенько попросишь, я не стану туда плевать. Возможно.

По губам Антона пробегает тень понимающей улыбки. Он отрицательно качает головой, натягивает на голову огромные наушники и запускает новую игру, без лишних слов намекая на окончание разговора.

Поникшая, я хватаюсь за дверную ручку и слышу не то скрип, не то тихий смешок:

– Хватит быть такой милой, Маш. Это, блин, пугает.

Глава 3

В субботу все идет кувырком с самого утра. Дурацкий будильник на телефоне не срабатывает, так что я не успеваю нормально накраситься. Потом тринадцатый автобус уезжает с остановки на три минуты раньше, чем в расписании, и мне приходится бежать на баскетбол, срезая дорогу через сугробы. Ну и вишенка на торте: я только в раздевалке понимаю, что забыла кроссовки дома.

Евгений Борисович, наш тренер, меня убьет. У нас же сегодня товарищеский матч с соседней школой! Я захопываю дверцу шкафчика и, хлюпая промокшими кедами, обреченно плетусь в спортзал.

Есть же крошечный шанс, что Евгений Борисович ничего не заметит?

– Это что еще такое? – недоверчиво хмурится он, стоит мне появиться в спортзале. Я поджимаю пальцы на ногах. – А что ж не в туфлях на каблуках-то, Головачева? У нас же тут бальная зала, ё-моё!

Кто-то из девчонок издает громкий смешок, и я мгновенно ошетиниваюсь. Да уж, вот он – командный дух! Идеальный пример женской солидарности!

– Извините, Евгений Борисович, я кроссовки забыла.

Обычно наш тренер после такого выдает бородастую шуточку в духе: «А голову ты дома не забыла?» Но не в этот раз. Прикрыв глаза, он медленно выдыхает, будто считает про себя от десяти до одного. А потом устало машет рукой на лавочки для зрителей.

– Кто забыл кроссовки дома, тот играет на скамейке запасных.

– В смысле? Я могу играть и...

– Кто забыл кроссовки дома, тот играет на скамейке запасных! – рявкает Евгений Борисович, теряя терпение. – И не заставляй меня повторять трижды! А вы чего тарачитесь? Быстро всем два круга по периметру!

Повинуясь его окрику, девчонки немедленно принимаются за пробежку, а я, гневно печатая шаг, марширую в противоположный конец зала и плюхаюсь на скамейку. Соня с Полиной, пробегая мимо, сочувственно машут руками, но меня едва хватает на ответную кислую улыбку. В конце концов, мы с ними не подружки: играем в одной команде, вот и всё.

Следующие два часа я с тяжелым сердцем наблюдаю за тем, как наша команда позорно сдает товарищеский матч. Прямо кровь из глаз! Особенно когда Гузель в третий раз делает передачу точно в руки центральной из команды соперников. Евгений Борисович смотрит на все это с каменным лицом, а после игры свистком подзывает всех к себе и не церемонясь раскатывает остатки нашей гордости по полу.

Настроение, и без того не слишком радостное, падает куда-то ниже плинтуса.

Я задерживаюсь ненадолго на школьном дворе, надеясь поговорить с Евгением Борисовичем, но он так и не появляется, а я в итоге опаздываю в художку почти на пятнадцать минут. И это сегодня, когда на занятие впервые должен прийти этот... как его там... Иван Ибрагимович! Наверняка ему сто лет в обед, как и Леонидовне, а такие терпеть не могут опоздунов.

Запахавшись, вся мокрая и злая, я влетаю в наш кабинет и с облегчением замечаю, что кресло за преподавательским столом пусто. Йес! А вот Кравцова какого-то черта сидит за моим мольбертом и радостно рассказывает о чем-то Морозовой, которая слушает с вежливой и отстраненной улыбкой. При виде меня они замолкают на полуслове.

– Вообще-то, – шипит Кравцова, вцепившись в мой мольберт, точно Горлум в кольцо всевластия, – опоздавший садится на свободное место.

Ага, щ-щ-щас!

– Вообще-то, – делаю многозначительную паузу, – я твоего мнения не спрашивала.

Мы играем в гляделки еще несколько секунд, а после Кравцова с недовольным лицом забирает свое барахло и пересаживается к стене.

– Ой, да подавись ты, – шипит она. – Ведешь себя как ребенок.

Я мысленно танцую победный танец и усаживаюсь за мольберт. Бросаю к ногам рюкзак и наклоняюсь, чтобы достать все необходимое, отчего распущенные волосы падают на лицо, закрывая меня ото всех.

– Если хочешь, – издевательски фыркаю, – можешь попробовать догнать меня после занятия и отшлепать!

– Справедливости ради, давайте вас отшлепаю я.

Язвительный мужской голос раздается так неожиданно, что я испуганно подпрыгиваю. Бьюсь головой об угол деревянной подставки внизу мольберта и замираю, будто Дурачок или Бэнкси, застигнутые за воровством соленых огурцов со стола. Они у нас те еще гурманы.

– Ну так что?

Я медленно поднимаю голову.

Вижу сначала потрепанные кеды. Потом черные джинсы с каплями краски и дырками на коленях. Затем белую мятую футболку под серой рубашкой в клетку. И наконец резко очерченное лицо с колечком пирсинга в нижней губе.

Мы встречаемся взглядами.

Придирчиво изучаем и оцениваем друг друга, составляя первое впечатление. Не знаю, что видит он (надеюсь, сильную и независимую девушку), а вот передо мной, отряхивая мокрые ладони, стоит какой-то неформал. Его черные волосы собраны в небрежный пучок на затылке, но отдельные пряди вьются возле щек и шеи, словно растрепанные ветром. Глубоко посаженные серые глаза под темными бровями смотрят недружелюбно и пристально...

Ну и кто он такой?

На вид парню не больше двадцати, так что... чей-то брат? Практикант? Пф-ф-ф, в таком случае нечего с ним церемониться!

– Рот закрой и руки свои держи при себе, – ледяным тоном советую я. – Про статью за домогательства слышал?

Прищурившись, парень берет с преподавательского стола папку с файликами и неторопливо перелистывает содержимое. Пауза затягивается, и мне становится неуютно.

– Ага, – вскоре хмыкает он, закусив колечко в нижней губе и захлопывая папку. – Судя по всему, ты и есть Маша Головачева. Елена Леонидовна о тебе предупреждала.

Я настороженно склоняю голову к плечу. Леонидовна? Откуда он знает нашу Леонидовну?

В душу закрадывается нехорошее предчувствие...

– А ты?..

– Вы, – холодно поправляет парень. – Иван Ибрагимович, ваш новый учитель. И с вашего, Маша, позволения, я бы уже начал занятие. Не возражаете?

– Нет, – едва слышно выдавливаю я, мысленно отвешивая себе пинка и мучительно краснея. Влипла так влипла... Должно быть, когда я пришла, он мыл руки в подсобке! Но кто бы мог подумать, что Иван Ибрагимович окажется таким... таким...

«Красавчиком», – услужливо подсказывает подсознание, но я в ужасе отмахиваюсь от него и нахожу более подходящее определение – молодым. Вот что я имела в виду!

Иван Ибрагимович тем временем сухо и коротко представляется. Ха, да он сам еще ученик! Точнее, студент четвертого курса в Питерской художественной академии имени Штиглица.

– Елена Леонидовна обещала прислать тему новогодней выставки только к следующему занятию, так что... – Он чешет запястье над разномастными кожаными браслетами, и я замечаю множество крошечных черточек у него на руках. Это что, веснушки? Такие светлые? Или

шрамы? – По-моему, нет смысла сегодня начинать новую тему, раз уж вы закончили с натюр-мортом. – Некоторое время Иван Ибрагимович молчит, обдумывая варианты, и наконец принимает решение. – Как вам идея познакомиться поближе? Норм? Тогда в следующие сорок-пятьдесят минут напишите этюд, который выразит вас как художника. Ну или хотя бы скажет что-то о вас и вашем стиле. Материалы можно использовать любые, тема свободная. Погнали.

Он небрежно разваливается в кресле Леонидовны, закинув щиколотку одной ноги на колено другой, и быстро печатает что-то в телефоне.

И это наш учитель? Вот это?!

Мы с девчонками переглядываемся. Что, никакой теории не будет? Совсем ничего? И что это за нелепая «свободная тема»? Ей-богу, мы же не в детском саду!

Морозова первой прищипливает кнопкой к мольберту чистый лист. Ей не слишком-то нравятся гуашь и масло, так что я не удивляюсь, когда она высыпает на колени пастельные мелки и принимается чертить размашистые голубые линии.

Я вытягиваю шею. Интересно, что она рисует...

– Какие-то проблемы?

Я вздрагиваю и натываюсь на хмурый взгляд Ивана Ибрагимовича: он с непроницаемым лицом пялится на меня поверх телефона.

– Почему не начинаешь?

– Думаю, – огрызаюсь я.

– Ну и зря.

Я титаническим усилием воли удерживаюсь от того, чтобы показать ему средний палец, и лезу в рюкзак за пастелью. Как нарочно, именно сегодня я ее не взяла, зато на самом дне находится новенькая нераспечатанная пачка фломастеров! В голову тут же приходит гениальная идея...

Нахально усмехнувшись, я рисую кукольный домик с кирпичной трубой, из которой колечками вьется дымок. Добавляю полукруглую радугу, двух радостных розовых единорогов на зеленом лугу и улыбчивую фею с крылышками и волшебной палочкой. Нет, ну что за прелесть?

– Хватит, ты меня отвлекаешь, – шипит Кравцова, и я только теперь понимаю, что все это время хихикаю себе под нос.

Окей, Иван Ибрагимович. Детсадовской теме – детсадовский рисунок!

Сорок минут пролетают как миг. За работой я поглядываю украдкой на нашего нового учителя, но он ни разу больше не отвлекается от телефона. Сосредоточенно нахмурившись, быстро печатает что-то длинными ловкими пальцами и, кажется, даже не замечает упавшую на лоб прядку темных волос. Этакий завиток, как у Супермена в кино.

А еще он постоянно прикусывает колечко на губе. Ни на минуту не оставляет его в покое, и это почему-то сильно... отвлекает.

Отбросив ненужные мысли, я дорисовываю мультяшное поле ромашек, а Иван Ибрагимович выныривает из телефона и поднимается на ноги. Прикрыв глаза, он вскидывает руки вверх и потягивается, на мгновение обнажая бледную полоску кожи на плоском животе, и я чувствую себя полной дурой из-за того, что не могу перестать на нее пялиться.

С трудом подавив зевок, он прикрывает рот кулаком и кивает на часы.

– Время вышло. Давайте поставим мольберты в ряд у стены и обсудим наброски вместе. Что? Еще не закончили? Ну и ладно, пусть будет как есть. Кому-то помочь или справитесь сами?

Все, кроме Кравцовой и Морозовой, справляются сами, и наш крошечный кабинет превращается в картинную галерею. Девчонки, естественно, встречают мой рисунок смешками. Я складываю руки на груди и смотрю на Ивана Ибрагимовича с ослепительной улыбкой на губах, но он, равнодушно мазнув по мне взглядом, поворачивается к мольбертам. Внимательно изу-

чает каждую работу и дает на удивление толковые, хотя и довольно резкие комментарии. Я слушаю их вполуха, разглядывая этюд Морозовой.

Она нарисовала лед.

Я такой видела однажды: в детстве, когда мы с мамой ездили зимой на Байкал. Замерзшее озеро создавало то же пугающее чувство почти бесконечной, изломанной и исчерпанной белыми всполохами глубины. Мне чудилось, что лед живой. Что он недовольно ворочается под моими ногами, древний и опасный, будто морское чудовище, и в любое мгновение может разверзнуться и поглотить меня целиком, оставив лишь едва слышный треск и затихающее эхо моего крика...

От этюда Морозовой по позвоночнику бегут мурашки. Я обнимаю себя руками и невольно наклоняюсь ближе, всматриваясь в правый нижний угол. Там, за частой решеткой трещин виднеется что-то красное. Капля крови? Цветок? Или мне показалось?

– В этой работе вроде бы нет сюжета, и тем не менее она – история. – Сведя брови к переносице, Иван Ибрагимович постукивает указательным пальцем по губе, и я опять невольно залипаю на его пирсинг. Блин, это какой-то синдром сороки, не могу перестать смотреть на то, как он блестит! – Здесь есть глубина – и образная, и художественная, но чувствуется, что... Есть какая-то скованность, словно художник не развернулся в полную силу.

Хотя, возможно, просто времени не хватило. В остальном получилось вполне достойно.

Оторопев, я несколько раз моргаю в тишине. Вау... Впервые слышу, чтобы кто-то не захлебывался восторгами, увидев произведение искусства, вышедшее из-под гениальной кисти Морозовой!

Может, не так уж этот Иван Ибрагимович плох?

Я перевожу взгляд на Морозову, которая смотрит на собственный этюд с каким-то непонятным отчаянием, но быстро отвлекаюсь: Иван Ибрагимович хлопает в ладоши.

– Ну что, на этом все? Есть вопросы? Нет? Тогда всем спасибо. – Он отрывисто кивает и сдергивает с волос резинку. Зажимает ее губами, чтобы переделать пучок, и отступает к столу Леонидовны, но я тут же преграждаю ему дорогу.

– А про мой рисунок что, ничего не скажете? – В моем голосе столько «искренного» сожаления, что впору «Оскар» давать. – Как же так, я ведь старалась, рисовала...

Девчонки, почуяв неладное, затихают. Кравцова, дернув носом в предвкушении скандала, скидывает телефон, который Морозова ту же накрывает ладонью, а Иван Ибрагимович вынимает резинку изо рта и неспешно стягивает ею волосы.

– Это не картина. Это труп, – четко выговаривает он.

А потом выходит из кабинета.

Глава 4

«Это не картина. Это труп». Я бью по мячу с такой силой, что Соня с визгом отскакивает в сторону.

– Головачева! – рычит Евгений Борисович, угрожающе наставив на меня блокнот со своими заметками. – Мы тут передачи отрабатываем, а не личные счета сводим. Не знаю, что у тебя там за дела с Поляковой, но конфликты надо решать за пределами площадки. Поняла?

Соня испуганно моргает огромными глазами, а Полина с тревогой смотрит на нас с другого конца площадки. Эти двое всегда ходят вместе, и я почти на сто процентов уверена, что Соня пришла в команду только потому, что Полина хотела играть. Они обе высокие, но у Сони руки как макароны. И еще она неженка – боится боли и столкновений, а в баскетболе без них никак. Зато Полина играет как машина! Ей бы в профессиональный спорт.

«Это не картина. Это труп».

Я отрывисто киваю и с трудом беру себя в руки, но Соня до самого конца тренировки держится на расстоянии и поглядывает на меня так, будто я в любой момент могу слететь с катушек и вцепиться зубами ей в горло.

И правильно делает...

– Закончили! – Евгений Борисович коротко дует в свисток и взмахом руки отпускает нас с поля. – Напоминаю: у нас меньше чем через месяц предпоследняя игра сезона, побьемся со спортивным лицеем. Всем собраться!

– Есть собраться! – нестройным хором отвечаем мы и гурьбой идем в раздевалку.

«Это не картина. Это труп».

Скрипнув зубами, я сдергиваю с себя футболку и швыряю в шкафчик. Разгоряченное после тренировки тело так и пышет жаром! Или это я после вчерашнего никак не могу остыть?

«Это не картина. Это труп».

И как можно было такое заявить? Тем более девушке! Тем более своей ученице! Он вообще в курсе, как должен вести себя учитель?

– Я тебя чем-то обидела?

Я с раздражением дергаю плечом, натягиваю толстовку прямо на голое тело и поворачиваю голову. Соня, одетая только в белую футболку и трусы, стоит справа и смотрит на меня умоляюще. Пухлые губы едва заметно дрожат, будто она вот-вот расплачется.

– Э-э-э, чего?

– Ну ты сегодня так швыряла в меня мячи... И потом, когда мы играли, все время за мной следила. Так что если я тебя чем-то... как-то разозлила, я... Прости, Маш! Я не хотела!

Здрасьте, приехали. Ошарашенная ее напором, я несколько раз глупо хлопаю ресницами.

– Да не злюсь я на тебя!

– ...сказала Маша, у которой из ноздрей идет пар, – усмехается Полина, выглядывая из за Сони и громыхая дверцей своего шкафчика.

Я с возмущением упираю руки в боки.

– Да не идет у меня никакой...

– Пш-пш-пш-ш-ш! – перебивает Полина, шевеля растопыренными пальцами возле носа. На самом деле это больше похоже на щупальца осьминога или длинные усы, которые развеивает ветер, но я по контексту догадываюсь, что она изображает пар. Мы прыскаем от смеха, а потом я делаю глубокий-глубокий вдох и с торжественным видом кладу ладони на Сонины плечи.

– Соня! – говорю. – Клянусь, ты ничем меня не обидела. По-моему, ты вообще никого не способна обидеть. Аминь.

– Но в следующий раз, когда решишь перед кем-нибудь извиниться, лучше надень штаны, – с серьезным лицом советует Полина.

Соня смотрит на свои голые ноги так, будто впервые их видит, и, ойкнув, убегает к шкафчику.

«*Это не картина. Это труп*», – в который раз за день всплывает в голове, и крошечный огонек веселья внутри с ревом смывает мутной волной гнева. Это же была просто шутка! А он...

Мы с Полиной быстро заканчиваем переодеваться и по очереди сушим волосы, взмокшие у корней, единственным на всю команду феном. Я справляюсь с задачей за пару минут (единственное достоинство тонких волос!), а вот Полине с ее кудрявой гривой приходится помучиться. Чертыхаясь, она наклоняет голову, и я, воспользовавшись случаем, тихо выскальзываю из раздевалки. Не хочется мне сегодня больше ни с кем разговаривать.

На бегу застегивая куртку, я толкаю дверь на улицу, а там...

А там, блин, дождь! Да вы издеваетесь? Сначала снег, который почти непрерывно валил весь ноябрь, а теперь вот это? Под ногами какая-то снежно-манная каша с комочками! Мерзкая, грязная и ледяная.

Разбежавшись, я спрыгиваю с последней ступеньки лестницы на крошечный пяточок сухого асфальта и двигаюсь к остановке прыжками, как лягушка на пруду. Причем очень и очень раздраженная лягушка.

«*Это не картина. Это труп*».

И что мне теперь делать? Как возвращаться в художку после того, что сказал этот Иван Ибрагимович? Еще и при всех!

Вчера вечером перед сном я водрузила на колени ноут и потратила больше часа, чтобы найти его соцсети, но ни одной личной странички так и не обнаружила. Зато наткнулась на пару десятков ссылок, которые протыкала с маниакальным упорством. В глубине души я надеялась позлорадствовать, не найдя ничего выдающегося, но Иван Ибрагимович оказался совсем не прост. Еще на первом курсе он получил грант на обучение в Лондоне и почти год провел за границей. Организовал несколько арт-перформансов в Питере, участвовал в выставках и международных биеннале... Одну его картину даже выставляли на благотворительном аукционе в пользу какой-то детской больницы!

Вот же гадство...

Не удержавшись, я кликнула на страничку аукциона и, увеличив изображение, долго рассматривала фотографию, на которой Иван Ибрагимович стоял рядом с огромным, ростом почти с него, полотном. Это был абстрактный коллаж, но с необычной текстурой и вкраплениями каких-то механизмов, гипсовой крошки и вроде бы осколков настоящего стекла. Впечатление работа производила довольно гнетущее... От некоторых осколков вниз тянулись тонкие красные струйки: словно художник порезался, пока творил, и на полотне осталась его собственная кровь.

Жуть какая... Я натянула одеяло до самого подбородка и схватила мышку, чтобы закрыть страничку, но палец замер над кнопкой. Я нахмурилась. Было в этом коллаже что-то очень... личное и откровенное, что мне ужасно хотелось разгадать. Какая-то рана...

Чем дольше я смотрела на картину, тем сильнее щемило в груди. В конце концов я самым идиотским образом разрыдалась с ноутбуком в обнимку! Антон, заглянув ко мне в комнату, покрутил пальцем у виска, за что и получил подушкой нос, а я все-таки закрыла сайт аукциона.

Последняя ссылка привела на видеоинтервью двухлетней давности. Колечко в губе на тот момент у Ивана Ибрагимовича еще не появилось, зато взгляд был такой же пронзительный и злой, а шею обхватывал знакомый черный шнурок с кулоном-кисточкой. Короткая стрижка и сбитые костяшки на руках делали его похожим скорее на гопника, а не на художника. Ведущая (какая-то тетка в несуразных очках, представившаяся арт-терапевтом), кажется, тоже так думала, потому что задавала вопросы с неуместным снисхождением. Иван Ибрагимович отве-

чал коротко и с явной неохотой, пока в финале она не спросила: «Как думаете, добились бы вы такого успеха, если бы не события пятилетней давности, которые лишили вас...»

«Мы закончили», – резко оборвал ее Иван Ибрагимович и, сдернув с горловины футболки микрофон-петличку, вышел из кадра.

Да уж, характер у него с тех пор так и не улучшился!

Я перепрыгиваю с пятачка относительно сухого асфальта на бордюр. Раскидываю руки в стороны и иду по нему, словно канатоходец, продолжая напряженно думать.

Иван Ибрагимович...

И почему мы должны называть его по имени-отчеству? Он же всего на четыре года старше! Так что... Решено. Отныне буду звать его Ваней. По крайней мере мысленно.

Ваня.

Ванек!

– Ва-а-анечка, – насмешливо тяну я себе под нос, и перед глазами мелькает картина. Точнее, не картина, а воспоминание из вчерашнего дня.

Кравцова в конце занятия прикинулась томной слабой принцессой, чтобы Ваня помог ей с мольбертом. Он молча наклонился, схватил его за ножки, и из-под воротника футболки выскользнул черный кожаный ремешок с подвеской в виде серебряной кисточки.

«Если бы я была его девушкой, я бы все время ловила эту кисточку губами».

Мысль вспыхивает в голове внезапным росчерком молнии, и я, потеряв равновесие, соскальзываю с бордюра прямо в мокрое снежное месиво за остановкой. Кроссовки мгновенно промокают.

Ау, Головачева, это что еще за мысли такие?!

«А руки у него и правда все в крошечных шрамах...»

Я прячу бордовое от смущения лицо за шарфом и в этот самый момент слышу за спиной сначала тихий вскрик, а затем шлепок и громкую ругань.

– Соня, блин! – восклицает знакомый голос.

Я оборачиваюсь и вижу Соню с Полиной. Первая беспомощно барахтается в луже, а вторая героически пытается ее поднять. Я тут же бросаюсь к ним на помощь. Подхватываю Соню с другой стороны, но ноги у нее разъезжаются, будто нарочно натерты растительным маслом!

– П-п-простите, – громко стучит зубами Соня. – У этих б-б-ботинок п-п-подошвы скользкие.

– Так на кой черт было их надевать? – психует Полина.

– П-п-просто они такие к-к-красивые...

Когда нам удастся вернуть Соне вертикальное положение, она вся дрожит и клацает зубами со скоростью секундной стрелки. С насквозь промокшей бежевой парки капает грязная вода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.